

УДК 94(571.1/.5)"1918-1919"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/49/6

КАРПАТОРУССКИЙ СОВЕТ И ФОРМИРОВАНИЕ ВОИНСКИХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ КАРПАТОРУСОВ В СИБИРИ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1918–1919 гг.)*

И.В. Нам¹, Н.И. Наумова², В.И. Зиновьева³

^{1,2}Томский государственный университет

Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

E-mail: namirina@bk.ru

E-mail: tomnin@yandex.ru

³Томский государственный университет систем управления
и радиоэлектроники

Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 40

E-mail: vpz@tsu.ru

Авторское резюме

Рассматривается деятельность Карпаторусского совета в Омске, созданного в 1918 г. с целью освобождения Прикарпатской Руси от австро-мадьярского ига и воссоединения ее с Россией. В условиях гражданской войны совет выступил на стороне антибольшевистских сил, поддерживая белогвардейские власти в борьбе за единую и неделимую Россию. Главная задача органа определялась как включение Прикарпатской Руси в состав России и соединение с русским народом, чтобы освободить родину «из многовекового политического и экономического рабства тевтонов и мадьяр». Для достижения поставленной цели совет считал необходимым с оружием в руках сражаться против австрийского ига, а после октября 1917 г. – и с большевизмом, поддерживая белогвардейские власти в борьбе за единую и неделимую Россию. Поэтому особое внимание уделялось созданию воинских формирований из числа военнопленных. Сначала отряд карпаторусов как «отдельная боевая единица» был включен в состав чехословацких частей. Впоследствии Карпаторусский совет добился вхождения добровольческого отряда в армию А.В. Колчака. Карпаторусские

* Исследование выполнено в рамках работ по гранту Правительства РФ П 220 № 14.В25.31.0009.

воинские отряды должны были составлять регулярные части, включавшие пехотные и кавалерийские подразделения.

Ключевые слова: Сибирь, гражданская война, Карпаторусский совет, карпаторусские воинские формирования.

THE CARPATHO-RUSSIAN COUNCIL AND THE FORMATION OF THE CARPATHO-RUSSIAN MILITARY UNITS IN SIBERIA DURING THE CIVIL WAR (1918–1919)*

I.V. Nam¹, N.I. Naumova², V.I. Zinovieva³

^{1,2}Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

E-mail: namirina@bk.ru

E-mail: tomnin@yandex.ru

³Tomsk State University of Control Systems and Radio Electronics
40 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

E-mail: vpz@tsu.ru

Abstract

This paper focuses on the Carpatho-Russian Council formed in 1918 to liberate the Carpathian Rus' from the Austro-Hungarian jackboot for its further reunification with Russia and its activities in Omsk. During the Russian Civil War, the Council sided with the anti-Bolshevik forces and supported the White Guard authorities in their fight for the unified and indivisible Russia. The main objective of the Council was to liberate the Homeland from "the centuries-long political and economic slavery by the Teutons and Magyars" with the purpose of its further reunification with Russia and Russian people. The Council believed it necessary to bear arms against the Austrian yoke and, after October, 1917, against Bolshevism as well. It supported the White Guard in its fight for the unified and indivisible Russia. Therefore, it paid a particular attention to the formation of military units made of the prisoners of war. Initially the Carpatho-Rusin detachment as a separate military unit was included into the Czecho-Slovakian troops. Later the Carpatho-Russian Council insisted on their joining the A.V. Kolchak army.

* The research is supported by Grant of the Government of the Russian Federation P 220 Nr. 14.V25.31.0009.

The Carpatho-Russian military detachments were supposed to form regular troops that included infantry and cavalry divisions.

Keywords: Siberia, Russian Civil War, Carpatho-Russian Council, Carpatho-Russian military units, Rusins.

Распад Австро-Венгерской, Османской и Российской империй в ходе Первой мировой войны привел к росту национальных движений, образованию новых государств и, как следствие, к формированию новых этнических и государственных идентичностей у народов, которые входили в их состав. Парижская мирная конференция¹ закрепила послевоенное переустройство мира, раскrojив по-новому границы государств и судьбы народов. В круговорот гражданской войны, развернувшейся в 1918–1920-х гг. в России, включая обширную территорию на востоке страны, были вовлечены десятки тысяч военнопленных и беженцев, среди которых были и уроженцы Прикарпатья – карпаторусы (русины). Перед ними остро стояла проблема выбора политической ориентации, национально-государственной и этнической идентификации. Эти вопросы уже стали предметом изучения современных исследователей (Виднянский 2012; Суляк 2015; Глущенко 2015; Нам, Наумова 2015; Шевелев, Конев 2015 и др.), но еще далеко не в полной мере раскрыты.

Политика антибольшевистских правительств на востоке России в отношении военнопленных славян в основных чертах определилась летом 1918 г. Военнопленные славяне и пленные романского происхождения занимали особое место в политике Временного Сибирского правительства. По существу, здесь присутствовала преемственность с политикой российской власти в начале Первой мировой войны, когда стали создаваться национальные формирования из военнопленных. 26 сентября 1914 г. Военное министерство стало отделять в лагерях военнопленных чехов, словаков, сербов, эльзасцев и лотарингцев, итальянцев и румын, предоставляя им лучшие условия содержания. 9 октября 1914 г. было предложено предоставлять подобные привилегии полякам, но официально это так и не было сделано (Лор 2012: 261).

Временное Сибирское правительство установило «непременное правило, что положение военнопленных Сибири должно определяться положением русских военнопленных в Центральных державах», признавало, «что режим для военнопленных подлежит изменениям в зависимости от сведений о положении наших военнопленных в Германии, Австро-Венгрии, Турции и Болгарии» (Луков, Шевелев 1998: 138). Власти в соответствии с международными правилами обязаны были

проявлять «человеколюбивое отношение» к военнопленным, обеспечивать свободу исповеданий и отправления религиозных обрядов.

В то же время по приказу Временного Сибирского правительства № 17 от 22 октября 1918 г. военнопленные славяне и пленные романского происхождения сосредотачивались в особых национальных лагерях с правом поступать добровольцами в свои национальные армии. Из пленных славянского и романского происхождения предполагалось сформировать особые рабочие роты, если они не изъявляли желания поступать добровольцами. Лагеря для чехов и словаков были образованы в Омске и Иркутске, для поляков – в Новониколаевске, для югославын, итальянцев и эльзасцев – в Томске, для румын – в Петропавловске, для украинцев – в Славгороде (Суржикова 2013: 81)². Таким образом, военнопленные делились на «дружественную» и «недружественную» часть. К последним относились мадьяры и немцы. Карпаторусы, чехи, словаки, сербы и поляки считались одной семьей славянских народов, которых должно «считать своими братьями».

Идея славянского единения существовала среди общественных и властных кругов России еще до войны. Это нашло отражение в обращении Николая II к населению империи, в котором он провозгласил, что Россия выступает как защитница славянских интересов и поддерживает единение всех славян (Лор 2012: 185). В одном из своих обращений Верховный правитель России адмирал А.В. Колчак также заявил о необходимости славянского единства. Немаловажное значение придавали работе среди славянских военнопленных и белые правительства Юга России, учитывая при этом национальные интересы России.

Временное Сибирское правительство и правительство А.В. Колчака создавали специальные военные и гражданские структуры для контроля за военнопленными, куда были включены военные комиссары, а также Особое делопроизводство по делам пленных на правах отдела в составе 2-го департамента Министерства иностранных дел. Возглавлял комиссию по делам военнопленных юрист, специалист по международным отношениям В.Г. Жуковский (Луков, Шевелев 2003: 60). Затем эти полномочия перешли мобилизационному отделу Главного штаба и впоследствии штабу Верховного главнокомандующего. Этими вопросами занимались 4-е и отчасти 3-е отделения военного ведомства. Кроме того, учреждались должности областных «заведывающих» военнопленными и обезоруженными красногвардейцами в Западной Сибири, Средней Сибири и Уральской области. В марте 1919 г. они были упразднены. Все дела передавались штабам Иркутского, Курганского, Оренбургского, Тюменского, Приамурского округов, а также 2-му сибирскому корпусу (Суржикова 2013: 80).

На положение военнопленных оказывали влияние национальные советы, образовавшиеся в Сибири. Чехословацкому, двум Польским советам, Югославянскому и ряду других принадлежала особая роль в формировании добровольческих национальных воинских частей. С августа 1918 г. пленные чехи и словаки считались мобилизованными в чехословацкую армию, подчиненную Чехословацкому национальному совету в России, который стал претендовать на право распоряжаться всеми пленными на территории Сибири. В то же время национальные советы не только брали на себя функции оказания материальной помощи «своим» пленным, агитации и формирования добровольческих частей, но и стремились к полному контролю за жизнью лагеря, что приводило к конфликтам с властями в национальных лагерях, а также между пленными.

Карпаторусские политики тоже стремились организационно подготовиться к возвращению на родину. С этой целью в Сибири было проведено два съезда: в октябре 1918 г. в Челябинске и в апреле 1919 г. в Омске. На первом съезде делегатов карпаторусских колоний и добровольческого отряда в Челябинске говорилось о необходимости справедливого решения национального вопроса для населения Прикарпатской Руси как части русского народа и борьбы против Австро-Германской коалиции под лозунгом воссоздания и защиты русского государства. Составной ее частью должно было стать создание добровольческого отряда, чтобы с оружием в руках встать на защиту неделимой Руси (ГАРФ 2: 1, 13; ГАРФ 4: 14–14 об.).

Важным итоговым документом работы съезда в Челябинске стал устав Центрального Карпаторусского совета (ЦКС), стратегической целью которого было заявлено «освобождение Прикарпатской Руси от австро-мадьярского ига и воссоединение ее с Россией» (Нам, Наумова 2014: 157). Положение о создании карпаторусских добровольческих воинских частей было внесено в Устав ЦКС, а в составе совета был создан специальный военный отдел. Образованный по решению съезда Карпаторусский совет в Челябинске возглавил А.В. Копыстьянский, сторонник присоединения Карпатской Руси к России (Баринов, Стрелков 2012).

Действуя от имени всех карпаторусов, ЦКС стремился определять стратегию общественно-политического поведения карпаторусов Сибири, центральной идеей было вхождение Прикарпатской Руси в состав России и освобождения родины из «многовекового политического и экономического рабства» тевтонов и мадьяр (ГАРФ 2: 1 об.) Для достижения этой цели совет считал необходимым сражаться с оружием в руках против австрийского ига, а после октября 1917 г. – и с большевизмом. Вопросу о формировании карпаторусского от-

ряда придавалось значение «главнейшего средства к достижению национальных целей». Съезд признал необходимым с оружием в руках встать на защиту не только Прикарпатской Руси и России, но и всего славянства (Карпаторусское слово 1918). Предполагалось, что это могло быть значительное по численности воинское формирование, базу которого могли составить до 25 тыс. годных к службе карпаторусов (Карпаторусское слово 1919а). Совет призывал галичан «исполнить свой долг», быть верными идее «единства русского народа». Подчеркивалось, что в новых международных условиях границы государств определяет воля народов и для этого недостаточно быть «только самостоятельными, но необходима реальная боевая сила» (ГАРФ 5: 19).

Сначала добровольческие отряды из карпаторусов создавались в Сибири в составе чехословацкой армии. 16 октября 1918 г. Копыстанский подписал военную конвенцию с Чехословацким национальным советом, согласно которой русинские части оперативно подчинялись чешскому командованию. Военный союз с чехословаками продолжался до 1 февраля 1919 г., после чего карпаторусские части перешли в состав армии А.В. Колчака (Баринов, Стрелков 2012: 121). При этом колчаковская власть исходила из собственных представлений о судьбе Галиции и об использовании военнопленных славян. Данная проблема рассматривалась на заседаниях Особого подготовительного к мирным переговорам совещания, созванного в Омске в декабре 1918 г. В его решениях было записано, что «Прикарпатская Русь должна войти в пределы России на основах широкой автономии» (ГАРФ 2: 32–32 об.).

Галиции отводилось важное стратегическое значение в планах белогвардейских правительств как Востока, так и Юга России. Разработке вопросов стратегической важности было отведено значительное место в деятельности военно-исторического и статистического комитета, созданного по приказу А.И. Деникина при Русском политическом совещании в Париже в ноябре 1918 г. для представления своей концепции международного устройства на Парижской мирной конференции. Совещание предлагало сохранить довоенные границы России (за исключением Польши), но при этом воссоединить с Россией земли Галиции и Буковины (Серапионова 2006: 288). В такой ситуации русины рассматривались как важный политический ресурс.

Пространство плена на территориях, подконтрольных антибольшевистским правительствам, подвергалось политико-идеологическим манипуляциям, включая попытки мобилизации веры и этничности. Карпаторусский совет предложил колчаковским властям создать два лагеря для военнопленных-украинцев в Славгороде и один для

карпаторусов – в Омске. Свои действия по разделению карпаторусов и украинцев совет объяснял тем, что в годы войны германские власти определили военнопленных-малороссов в особые бараки, «в которых специальные инструкторы и агитаторы внушали им идею “самостийной” Украины». Из военнопленных-малороссов немцы набирали агитаторов и отправляли на родину для пропаганды политического отделения Украины от России (ГАРФ 2 : 6 об.). Совместное с украинцами нахождение в лагерях внушало лидерам карпаторусов опасения из-за нежелательного идеологического воздействия. Карпаторусский совет отправил письмо Российскому правительству, где отметил, что агитация украинцев «идет во вред общерусским интересам» (ГАРФ 1: 1 об.)

ЦКС придавал большое значение изменению статуса карпаторусов-военнопленных – переходу их в статус добровольцев. Комендантом лагеря карпаторусов предлагалось назначить офицера из Карпаторусского добровольческого отряда. Кроме того, совет считал необходимым взять под свой контроль всю просветительскую работу (лекции, беседы, школы грамотности) и создать для этого в лагере барак с лозунгом: «Учись, молись, трудись, трезвись» (ГАРФ1: 1). Право на агитацию в лагерях карпаторусов совет фактически монополизировал. Это приводило к тому, что после создания национальных лагерей внутри них стали возникать конфликты, связанные с общеполитическими и национальными устремлениями пленных, что проявилось в отношениях между карпаторусами-москвофилами, которые относили себя к русским и России, и украинцами, которые ориентировались на создание независимой Украины. Карпаторусский совет в Омске получил от Министерства внутренних дел право на регистрацию всех карпаторусов Сибири, что должно было усиливать его влияние в этой среде, способствуя консолидации и идентификации (ГАРФ 2: 64, 66).

Лидеры карпаторусов стремились увеличить численность карпаторусских формирований, объединив усилия всех карпаторусских организаций. Председатель совета Копыстьянский обратился в МИД Российского правительства в Омске с просьбой известить итальянское правительство с тем, чтобы оно отпускало в армию Деникина добровольцев из военнопленных-карпаторусов. Такое же желание выразил съезд карпаторусов США в апреле 1919 г.: бороться за независимость Прикарпатской Руси, воссоединиться с Омским, Екатеринославским, Архангельским правительствами для мобилизации всех карпаторусов, способных носить оружие. Карпаторусы в Киеве на собрании 12 декабря 1918 г. тоже высказали пожелание пополнить новыми кадрами из карпаторусских добровольцев существующие при Добровольческой армии на Дону и Кубани карпаторусский добровольческий полк и

добровольческий отряд при чехословацкой армии на Урале и Сибири, «объединив их в отдельную боевую единицу». Этот отряд должен быть использован в борьбе «за общерусское национальное государственное объединение «и для защиты национальных интересов и прав своей ближайшей родины – Прикарпатской Руси» (ГАРФ 5: 8–8 об.).

Еще одно обстоятельство могло повлиять на судьбу военнопленных. Оно было связано с окончанием войны и новой геополитической ситуацией.

Военные из белогвардейских правительств Сибири полагали, что славянские народы, входившие в состав распавшейся Австро-Венгрии, теперь становились «свободными и самостоятельными». В соответствии с этими обстоятельствами «находившиеся в русском плену солдаты романо-славянского происхождения (поляки, карпаторусы, украинцы, сербы, хорваты, словенцы, чехословаки, румыны и итальянцы) стали свободными гражданами» вновь образовавшихся государств. Военные круги предлагали предоставить этим военнопленным «свободу в выборе места жительства и рода деятельности и рассматривать их в дальнейшем как иностранных подданных, временно находящихся на территории России» (Суржикова 2013: 83).

Однако гражданские власти считали намеченное на 15 мая 1919 г. освобождение названных военнопленных преждевременным. В частности, министр иностранных дел колчаковского правительства сомневался, насколько законно со стороны государства сложение с себя обязанностей по содержанию военнопленных, которые налагались на него международными договорами. Министр внутренних дел тоже возражал против этого, полагая, что предоставление указанным военнопленным свободы в выборе места жительства и выезда на родину по условиям текущего момента было бы рискованным, так как нет никакой гарантии, что они действительно уедут, а не останутся в России, увеличив военные силы большевиков (Суржикова 2013: 84).

Представители союзников – члены французской миссии в Сибири и чехословацкий уполномоченный – поддержали мнение гражданских властей. Генерал М. Жанен, представитель Высшего межсоюзного командования и главнокомандующий союзными войсками в Сибири и на Дальнем Востоке, подчеркнул, что полное освобождение славян с правом возвращения на родину «внесло бы разруху в деле формирования воинских частей, комплектуемых пленными романо-славянских национальностей» (Суржикова 2013: 84). Под давлением союзников правительство Колчака отказалось от идеи перевода «дружественных» военнопленных на положение иностранных подданных, предоставив им некоторые льготы в качестве благодарности «за совместную борьбу против германо-большевизма».

Колчаковская власть относила польский, чехословацкий, сербский, югославянский, болгарский, украинский, карпаторусский вопросы к числу «настолько сложных», что их можно было решить лишь «на основе укрепления международного положения славянства» и усиления международных позиций России в славянском вопросе (ГАРФ 3: 1).

В политике колчаковской власти проблемы военнопленных-карпаторусов решались, исходя из интересов России, на основе решений Парижской мирной конференции. Правительство осознавало, что вопрос о Прикарпатской Руси является не только внутренней российской проблемой, о чем свидетельствует отправленное в Военное министерство в феврале 1919 г. письмо управляющего МИД о судьбе Прикарпатской Руси, которая «должна была войти в пределы России на основе широкой автономии». В качестве аргумента в поддержку такого решения приводилась «инициатива, проявленная карпаторуссами», по формированию добровольческого отряда из военнопленных и беженцев. Как полагал управляющий МИД, это «создает очень благоприятную почву для воссоединения» Прикарпатской Руси с Россией, «не давая оснований возможным противникам на мирной конференции обвинять Россию в политике захватов». Поэтому он выражал надежду, «что русское Военное министерство удовлетворит желание карпаторуссов» использовать «в военных целях небольшую преданную военную силу», чтобы одновременно «упрочить выгодную для нас позицию в вопросе о присоединении к России Прикарпатской Руси (ГАРФ 2: 32–32 об.). Военное министерство активно подключилось к обсуждению вопроса о создании добровольческого отряда.

Создание воинских частей из военнопленных в Сибири сопровождалось рядом организационных трудностей, выявившихся с момента их создания. Лидеры Карпаторусского совета предложили колчаковскому правительству свой план формирования карпаторусских воинских частей на основе обязательного призыва всех карпаторусов. Один добровольческий отряд не представлял значительную силу. Использование «принудительной мобилизации» объяснялось тем, что «ныне недостаточно только самоопределения, но необходима реальная боевая сила», «учитывая опасное положение Родины». Лидеры карпаторусов в обоснование своей позиции приводили пример мобилизации в Галиции всех мужчин от 18 до 35 лет, способных носить оружие.

Второй карпаторусский съезд, проходивший весной 1919 г., принял решение о предоставлении Карпаторусскому совету права объявления всеобщей мобилизации карпаторусов, но из-за нехватки офицерских кадров и снаряжения совет откладывал это решение вплоть до

июля 1919 г. К тому времени ожидалось прибытие карпаторусских офицеров - выпускников военных русских училищ и подготовленных унтер-офицеров. 12 июля совет обратился к начальнику мобилизационного отдела с предложением провести мобилизацию «всех уроженцев Прикарпатской Руси, свободно проживающих в пределах России и годных к отбыванию воинской повинности».

План предусматривал предоставление ЦКС «формального права» объявления мобилизации уроженцев Прикарпатской Руси. Мобилизацию должны были производить русские военные власти при взаимодействии с Карпаторусским советом. Предлагалось сосредотачивать военнопленных карпаторусов в одном сборном пункте в каждом военном округе под контролем военных. Земские власти должны были призывать беженцев в возрасте от 18 до 40 лет «без различия их партийной принадлежности (карпатороссы, русины, украинцы)». В комиссию по набору должен был войти уполномоченный от совета или офицер карпаторусского полка. Она определяла годность к отбыванию воинской повинности. Негодных необходимо было освободить из плена, предоставить им полную свободу, а «их труд можно использовать для нужд государства».

При этом совет считал возможным мобилизовывать «только всю крестьянскую массу, без различия партий». Лидеры карпаторусов были категорически против мобилизации «интеллигентов, принадлежащих к украинской партии» как элемента «весьма ненадежного и разлагающего». Предлагалось «во избежание их преступной агитации» запретить им «пребывание в районе расположения карпаторусских войск». Мобилизацию следовало провести, по мнению совета, в первую очередь в прифронтовой полосе и в Омском военном округе. Уклонявшихся от воинской повинности необходимо было наказывать «по российским законам». По предположению совета, в Западной Сибири насчитывалось около 9000 военнопленных-карпаторусов (без учета беженцев и военнообязанных). Общее количество мобилизованных могло составить около 10 000 чел. (ГАРФ 5 1919: 19).

Вторая часть проекта предусматривала формирование карпаторусских воинских частей, которые должны были стать регулярными и подчиняться в оперативном отношении русскому командованию. Предполагалось сформировать пехоту, «несколько сотен кавалерии под названием карпаторусского казачества», одну батарею. Ядром этих частей должен был стать I Карпаторусский стрелковый полк. Из него командировались офицеры и унтер-офицеры «для каждой из мобилизованных частей как знающие психологию своих соотечественников». Русских офицеров и унтер-офицеров следовало назначать из числа лиц с боевым опытом и знакомых «с истори-

ческой судьбой Прикарпатской Руси». Мобилизованные должны были снабжаться «не хуже русских солдат». Занятия по военному делу рекомендовалось производить по русским правилам, с жесткой дисциплиной в течение одного месяца, а «из лучших образовывать ударные части и направлять их на фронт». Особое внимание в этих частях должно было уделяться религиозной стороне, «которая в жизни карпаторусов играет важную роль». Культурно-просветительную работу необходимо было возложить на Карпаторусский совет с правом издания газеты «Карпаторусское слово» три раза в неделю, а также читать лекции, проводить беседы с разрешения командира и в его присутствии.

Также было рекомендовано «предоставить карпаторусским воинам преимущества и льготы в отношении земельного и хозяйственного устройства наравне с российскими воинами (по Постановлению Совета министров от 14 марта № 414)» (ГАРФ 5: 19 об. – 20 об.). Высказывалась надежда, что с «уничтожением большевизма в России» будет осуществлено «стремление карпаторуссов к воссоединению Прикарпатской Руси с Россией на началах автономии» (ГАРФ 5: 20–20 об.)

Решение российского правительства «допустить призыв на военную службу всех карпаторуссов... в возрасте от 18 до 43 лет, как военнопленных, так и беженцев, и лиц, свободно проживающих в пределах России, освобожденной от Советской власти», последовало только 22 августа 1919 г. (Шевелев, Конев 2015). 4 сентября 1919 г. газета «Русская армия», издание штаба Верховного главнокомандующего, сообщала об объявлении всеобщей мобилизации проживающих в Сибири карпаторусов в возрасте от 18 до 43 лет. А 6 октября 1919 г. было опубликовано «Приветствие 1-му Карпаторусскому полку» Верховного правителя А.В. Колчака, в котором заявлялось о поддержке им цели карпаторусов по защите «веры, права и национальности» и их борьбы «за Россию, за общее дело славянства» (Карпаторусское слово 1919b).

Война требовала от лидеров карпаторусского движения использования для достижения своих целей военных методов. Они понимали, что развязка «карпаторусского вопроса в течение войны всегда находилась в зависимости от военных событий» (Карпаторусское слово 1918: 1). Первоначально предполагалось, что формирование карпаторусского полка будет осуществляться за счет добровольцев-военнопленных. Позднее мобилизации, по решению Карпаторусского

совета, были подвергнуты все карпаторусы, увеличивая тем самым военную помощь белогвардейцам в сохранении единой России, где Прикарпатская Русь была бы ее неотъемлемой частью. Однако сформированный Карпаторусский стрелковый полк, как и другие воинские формирования Белой армии (Сибирский казачий корпус, дружины Святого креста и Зеленого знамени), созданные в то время, не могли переломить хода боевых действий на Восточном фронте гражданской войны.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Парижская мирная конференция, созванная державами-победительницами для выработки и подписания мирных договоров с государствами, побеждёнными в Первой мировой войне, проходила с 18 января 1919 г. по 21 января 1920 г. в Версале. Подготовленные конференцией мирные договоры заложили вместе с соглашениями, принятыми на конференции в Вашингтоне (1921–1922), основы Версальско-Вашингтонской системы международных отношений.

2. По мнению других авторов, лагеря для военнопленных с октября 1918 г. размещались следующим образом: в Омске – чехословаки и карпаторусы; в Новониколаевске – поляки; в Томске – югославы, итальянцы и эльзасцы; в Петропавловске – румыны; в Славгороде – украинцы; Иркутске – чехословаки; офицерские лагеря в Тобольске и Таре; пленные инвалиды – в Павлодаре, Барнауле, Бийске, Семипалатинске (Талапин 2013: 83).

ЛИТЕРАТУРА

Баринов, Стрелков 2012 - *Баринов И., Стрелков И.* А.В. Копыстьянский и его деятельность в годы гражданской войны, 1918–1920 гг. // Русин. 2012. № 3 (29). С. 116–126.

Виднянский 2012 - *Виднянский С.* Процессы национального самоопределения на Буковине в 1918 г., ее включения в состав Румынского Королевства и румынизации автохтонного украинского населения края // Русин. 2012. № 2 (28). С. 23–34.

ГАРФ 1 - Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. 200. Оп. 1. Д. 303. Л. 1 об. Письма и телеграммы управляющего МИД и белогвардейских послов в Токио, Вашингтоне, Париже и Лондоне о положении военнопленных галичан, буковинцев и угрорусов в России, о польско-украинских отношениях и о наступлении войск генерала Юденича на Петроград. 1918–1919.

ГАРФ 2 - ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 357. Переписка с Центральным Карпаторусским советом в Омске, Военным министерством и российскими послами за границей о политическом положении карпаторусов – населения Галицкой, Буковинской и Угорской Руси. 5 окт. – 25 июня 1919 г.

ГАРФ 3 - ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 360. Доклад Второго политического отдела МИД о политическом и экономическом положении Польши, Прикарпатской Руси и переписка с Министерствами военных и внутренних дел о положении поляков в Сибири. 26 окт. 1918 г. – 22 июля 1919 г.

ГАРФ 4 - ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 368. Переписка с российскими послами за границей и Центральным Карпаторусским советом о положении и тяготении карпаторусов к России и о деятельности польских и латышских комитетов в Сибири. 1918–1919.

ГАРФ 5 - ГАРФ. Ф. 176. Оп. 3. Д. 65. Доклад уполномоченного Русского исполнительного комитета во Львове и переписка с министрами Российского правительства о формировании карпаторусских отрядов и отправке их в Сибирь, о деятельности Центрального Карпаторусского совета, схематические карты Прикарпатской Руси и другие материалы. 2 июня – 21 августа 1919 г.

Глуценко 2015 - *Глуценко Н.А.* Первые общественные организации русинов на территории Соединенных Штатов Америки // Русин. 2015. № 4 (42). С. 97–106.

Карпаторусское слово 1918 - Съезд делегатов карпаторусских колоний в Челябинске // Карпаторусское слово. Екатеринбург, 1918. № 1.

Карпаторусское слово 1919а - *Копыстьянский А.В.* Лекция по карпаторусскому вопросу // Карпаторусское слово. Екатеринбург, 1919. № 16.

Карпаторусское слово 1919б - Приветствие 1-му Карпаторусскому полку // Карпаторусское слово. 1919. № 23.

Лор 2012 - *Лор Э.* Русский национализм и Российская империя: Кампания против вражеских подданных в годы Первой мировой войны. М.: Новое лит. обозрение, 2012. 304 с.

Луков, Шевелев 1998 - *Луков Е.В., Шевелев Д.Н.* Законодательная деятельность белых правительств в Сибири (июнь – ноябрь 1918 г.). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998. Вып. 1. 192 с.

Луков, Шевелев 2003 - *Луков Е.В., Шевелев Д.Н.* Законодательная деятельность Российского правительства адмирала А.В. Колчака. Ноябрь 1918 г. – январь 1920 г. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. Вып. 2. 202 с.

Нам, Наумова 2014 - *Нам И.В., Наумова Н.И.* Съезды карпаторуссов в Сибири в годы гражданской войны. 1918–1919 // Русин. 2014. № 3 (37).

Нам, Наумова 2015 - *Нам И.В., Наумова Н.И.* Историческая память и национально-политическая идентификация русинов. 1914–1920 гг. // Русин. 2015. № 4 (42). С. 126–142.

Серapiroнова 2006 - *Серapiroнова Е.П.* Карел Крамарж и Россия. 1890–

1937 годы: идейные воззрения, политическая активность, связи с российскими государственными и общественными деятелями. М.: Наука, 2006. 512 с.

Суляк 2015 - Суляк С.Г. Русинская идентичность на примере участия галичан в гражданской войне // Русин. 2015. № 4 (42). С. 107–121.

Суржикова 2013 - Суржикова Н.В. Военнопленные Первой мировой войны на занятых белыми территориях Урала и Сибири в 1918–1919 гг. // Вестник Уральского отделения РАН. Наука. Общество. Человек. 2013. № 4 (46). С. 79–90.

Талапин 2013 - Талапин А.Н. Военнопленные Первой мировой войны в Сибири в период гражданской войны и репатриации // Вестник Омского университета. 2013. № 3 (69). С. 81–83.

Шевелев, Конев 2015 - Шевелев Д.Н., Конев К.А. «За Россию и за общее дело славянства»: официальная и проправительственная печать Белой Сибири о формировании на ее территории карпаторусских воинских частей // Русин. 2015. № 4 (42). С. 143–167.

REFERENCES

Barinov, I. & Strelkov, I. (2012) A.V. Kopystyanskiy i ego deyatel'nost' v gody grazhdanskoj voyny, 1918–1920 gg. [A.V. Kopystyansky and his activities in Russia during the Civil War of 1918–1920]. *Rusin*. 3 (29). pp. 116–126.

Vidnyanskiy, S. (2012) Protsessy natsional'nogo samoopredeleniya na Bukovine v 1918 g., ee vkladyeniya v sostav Rumynskogo Korolevstva i rumynizatsii avtokhtonnoho ukrainskogo naseleniya kraya [The processes of national self-determination in Bukovina in 1918, its annexation into the structure of the Rumanian Kingdom and the Rumanization of the indigenous population of the land]. *Rusin*. 2 (28). pp. 23–34.

The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund 200. List 1. File 303. Sheet 1.

The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund 200. List 1. File 357.

The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund 200. List 1. File 360.

The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund 200. List 1. File 368.

The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund 176. List 3.65.

Glushchenko, N.A. (2015) Pervye obshchestvennye organizatsii rusinov na territorii Soedinennykh Shtatov Ameriki [First social organizations of Rusins in the United States of America]. *Rusin*. 4 (42). pp. 97–106. DOI: 10.17223/18572685/42/8

Anon. (1918) S'ezd delegatov karpatorosskikh koloniy v Chelyabinske

[Congress of delegates of the Carpatho-Russian colonies in Chelyabinsk]. *Karpatorusskoe slovo*. 1.

Копстынский, А.В. (1919) Lektsiya po karpatorusskomu voprosu [Lecture on the Carpatho-Russian problem]. *Karpatorusskoe slovo*. 16.

Anon. (1919) Privetstvie 1-mu Karpatorusskomu polku [Greetings to the 1st Carpatho-Russian regiment]. *Karpatorusskoe slovo*. 23.

Laure, E. (2012) *Russkiy natsionalizm i Rossiyskaya imperiya: Kampaniya protiv vrazheskikh poddannyykh v gody Pervoy mirovoy voyny* [Russian Nationalism and the Russian Empire: The Campaign Against “Enemy Aliens” during World War I]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Lukov, E.V. & Shevelev, D.N. (1998) *Zakonodatel'naya deyatel'nost' belykh pravitel'stv v Sibiri (iyun' – noyabr' 1918 g.)* [Legislative Activity of the White Governments in Siberia (June – November 1918)]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.

Lukov, E.V. & Shevelev, D.N. (2003) *Zakonodatel'naya deyatel'nost' Rossiyskogo pravitel'stva admiral A.V. Kolchaka. Noyabr' 1918 g. – yanvar' 1920 g.* [Legislative Activity of the Admiral A.V. Kolchak's Russian Government in November 1918 – January 1920]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University.

Nam, I.V. & Naumova, N.I. (2014) S"ezdy karpatorossov v Sibiri v gody grazhdanskoj voyny. 1918–1919 [Carpatho-Russian Conventions in Siberia during the Civil War (1918–1919)]. *Rusin*. 3 (37). pp. 152–156. DOI: 10.17223/18572685/37/11

Nam, I.V. & Naumova, N.I. (2015) Historical memory and the national and political identification of Rusins in 1914–1920. *Rusin*. 4 (42). pp. 126–142. (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/42/10

Serapionova, E.P. (2006) *Karel Kramarzh i Rossiya. 1890 – 1937 gody: ideynye vozzreniya, politicheskaya aktivnost', svyazi s rossiyskimi gosudarstvennymi i obshchestvennymi deyatel'yami* [Karel Kramář and Russia. 1890–1937: Ideological Views, Political Activity, Relations with Russian State and Public Figures]. Moscow: Nauka.

Sulyak, S.G. (2015) Rusinskaya identichnost' na primere uchastiya galichan v grazhdanskoj vojne [The Rusin identity (a case study of Galicians' participation in the Civil War)]. *Rusin*. 4 (42). pp. 107–121. DOI: 10.17223/18572685/42/9

Surzhiikova, N.V. (2013) Voennoplennye Pervoy mirovoy voyny na zanyatykh belymi territoriyakh Urala i Sibiri v 1918 – 1919 gg. [Prisoners of World War I in the territories of the Urals and Siberia occupied by the Whites in 1918–1919]. *Vestnik Ural'skogo otdeleniya RAN. Nauka. Obshchestvo. Chelovek*. 4(46). pp. 79–90.

Talapin, A.N. (2013) Voennoplennye Pervoy mirovoy voyny v Sibiri v period grazhdanskoj voyny i repatriatsii [Prisoners of World War I in Siberia during the Civil War and Repatriation]. *Vestnik Omskogo universiteta – Herald of Omsk University*. 3(69). pp. 81–83.

Shevelev, D.N. & Konev, K.A. (2015) “За Россию и за обшчее дело славя-

nstva”: ofitsial'naya i propravitel'stvennaya pechat' Beloy Sibiri o formirovani
na ee territorii karpatorusskikh voinskikh chastey [“For Russia and for the
Slavdom”: the official and pro-governmental press of the White Siberia on
the formation of Carpatho-Russian military units on its territory]. *Rusin*. 4 (42).
pp. 143–167. DOI: 10.17223/18572685/42/11

Нам Ирина Владимировна – доктор исторических наук, профессор кафедры со-
временной отечественной истории Томского государственного университета (Рос-
сия).

Nam Irina - Tomsk State University (Russia).

E-mail: namirina@bk.ru

Наумова Наталья Ивановна – кандидат исторических наук, доцент кафедры
истории и документоведения Томского государственного университета (Россия).

Naumova Natalia - Tomsk State University (TRussia).

E-mail: tomnin@yandex.ru

Зиновьева Валентина Ивановна – кандидат исторических наук, доцент кафедры
истории и социальной работы гуманитарного факультета Томского государственного
университета систем управления и радиоэлектроники (Россия).

Zinovieva Valentina - Tomsk State University of Control Systems and Radioelectro-
nics (Russia).

E-mail: vpz@tsu.ru